

Л. П. Потапов. *Происхождение и формирование хакасской народности*. Абакан 1957, 307 стр.

Выход рецензируемой работы был приурочен к юбилейной дате — 250-летию добровольного присоединения Хакасии к России, что вполне оправдано, так как ряд рассматриваемых в ней вопросов имеет самое непосредственное отношение к этому историческому событию. Книга делится на две части: I — «Население Минусинской котловины в XVII в.» и II — «Формирование современной хакасской народности в XVIII—XIX вв.». Следует отметить, что вопрос о происхождении и формировании хакасской народности был еще в 1952 г. поставлен автором в книге, изданной в Абакане под названием «Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.)». В этом труде автор преследовал цель не только проследить процесс формирования хакасской народности, но и дать общий очерк истории хакасов, осветить их общественный строй, культуру, быт и т. д. В рецензируемой же монографии автор, отказавшись от освещения целого ряда вопросов, сосредоточился на центральном сюжете — о происхождении и формировании хакасской народности. В этой связи шире привлечены такие источники, как документы Сибирского приказа XVII и особенно XVIII века. Ряд источников XVIII в. привлекается Л. П. Потаповым впервые. Это работы Г. Миллера «Описание сибирских народов», «Описание Красноярского уезда Енисейской провинции в настоящем его положении в начале 1735 г.»; путевые заметки И. Фишера по дороге из Томска в Красноярск в 1741 г.; дневник Д. Мессершмидта; анкетные материалы В. Н. Татищева и некоторые другие. Привлечение этих материалов, бесспорно, обогатило содержание книги, сделало ее более интересной и разносторонней.

Происхождение и формирование хакасской народности показано на широком фоне политической жизни Южной Сибири XVII—XVIII вв. Автор подробно и ярко рисует политическую обстановку Южной Сибири в XVII в. накануне включения ее в состав Русского государства. Феодалная раздробленность и междоусобицы, эксплуатация енисейских киргизов феодалной верхушкой, зависимость от ойратов и джунгар — таковы характерные черты этой обстановки. «Грабежи и набеги были частым явлением и весьма тяжело отражались на мирных хозяйственных занятиях трудящихся скотоводов и охотников. Анархия, произвол и насилие, чинимые азиатскими феодалами по отношению к трудовому населению различных мелких родоплеменных групп Южной Сибири, многоднинчество, увод в рабство и т. д. тормозили экономическое и культурное развитие местного разноязычного населения» (стр. 60—61).

В таких условиях шло продвижение русских, открывавшее перед трудящимися Южной Сибири иные перспективы. «Мелкие родоплеменные группы, жившие разбросанно и изолированно друг от друга, довольно охотно встречали появление русских и, как правило, добровольно соглашались на включение в состав Русского государства и взнос ясака. Местное население в сближении с русскими видело облегчение своего положения» (стр. 61).

Включение народов Южной Сибири в состав Русского государства имело прогрессивное значение для всей последующей истории трудящихся хакасов. «Вместе с русскими в Южную Сибирь проникала не только централизованная, твердая государственная власть, но и более высокие и развитые формы хозяйства, культуры и быта, которые быстро стали оказывать положительное влияние на экономику, быт и культуру местного населения» (стр. 61).

В состав Русского государства добровольно переходила основная масса населения Южной Сибири. Киргизские же феодалы, господствовавшие в Минусинской котловине в XVII в., опираясь на монгольскую и джунгарскую знать, боролись против русского проникновения, отстаивая сохранение своего привилегированного положения и монопольное право эксплуатации трудящихся масс. Л. П. Потапов совершенно справедливо рассматривает эту борьбу против Русского государства как реакционную, отвечавшую лишь корыстным интересам эксплуататорской верхушки енисейских киргизов. «Никаких общенародных освободительных задач эта борьба не ставила, не преследовала она и целей политической самостоятельности и создания собственной государственности енисейских киргизов» (стр. 69).

Отмечая в целом правильность трактовки Л. П. Потаповым вопроса о вхождении народностей Южной Сибири в состав Русского государства, отмечу один недостаток. Значение рассматриваемого вопроса выходит далеко за пределы Южной Сибири (зачастую и сам автор выходит за эти рамки), и логично было бы поставить этот вопрос сперва для всей Сибири в целом, а затем уже для Южной Сибири в частности. Тогда яснее выступили бы как некоторые факты, общие для всей Сибири, так и специфические особенности, характерные для ее южной части. Присоединение Сибири начинается с знаменитого похода Ермака. Им, как указывал Маркс, «была заложена основа Азиатской России»¹. Это было военное предприятие, разгромившее Сибирское татарское царство. Уже в этом походе мы найдем переплетение моментов насильственного присоединения и добровольного перехода местного населения на сторону России. Часть хантыйских и мансийских племен, тяготясь зависимостью от татарских феодалов, по

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, стр. 166.

словам летописи, «от Кучумова повеления и рамента отступиша», т. е. добровольно перешла в подданство России. Вместе с тем разгром Ермаком Сибирского татарского царства явился завершением длительной борьбы русского народа против Золотой Орды и ее обломков, против двухвекового татаро-монгольского ига. Недаром Ермак стал одним из излюбленных героев русских былин, исторических песен², причем в былинах он не только завоевывает Сибирь, но и вместе с Ильей Муромцем обороняет Киев от татар.

Вопрос о присоединении Южной Сибири к Московскому государству тем целесообразнее было связать с вопросом о присоединении всей Сибири, что некоторые сообщаемые Л. П. Потаповым факты о передвижке отдельных этнических групп объясняются именно разгромом Кучумова царства. Так, на стр. 153—155 автор сообщает интересные данные о передвижке части сибирских татар после разгрома Кучума на восток, вплоть до бассейнов Чулыма и Енисея. Эти тюркоязычные группы позднее смешались с местным кетоязычным и самодийскоязычным населением.

В связи с постановкой вопроса о присоединении Южной Сибири к Русскому государству и тех перспективах, которые открывались перед ее народами, уместно было бы показать, что же давало Русскому государству присоединение Сибири, и в частности Южной Сибири. В. И. Ленин, подчеркивая одну из сторон сложного пути покорения и добровольного присоединения Сибири, указывал, что это была «борьба за хозяйственную территорию»³. Включение Сибири, в частности ее южной части, в состав Русского государства дало ему новые, важные в хозяйственном отношении территории и укрепило его хозяйственную и политическую самостоятельность. Это было особенно важно в связи с попытками Польши и Швеции в начале XVII в. подорвать независимость России. Проведение России на Восток в это время обеспечило ей успех на Западе.

Изложение в монографии основной проблемы — происхождения и формирования хакасской народности, — несомненно, вызовет интерес со стороны многих специалистов по истории и этнографии Сибири — и тюркологов, и изучающих самодийские народы и так называемых палеоазиатов. В Минусинской котловине скрещивались судьбы многих племен и народностей Сибири, шли важные этногенетические процессы, осложнявшиеся притоком сюда различных этнических групп с севера (например, татар после разгрома Кучумова царства). В советской исторической и этнографической литературе наблюдается живейший интерес к процессам, протекавшим в Минусинской котловине. Достаточно назвать работы С. В. Киселева, Б. О. Долгих, З. В. Бояршиновой, А. П. Дульзона и др. Монография Л. П. Потапова в значительной мере обобщает то, что было проделано советскими учеными в отношении истории народов Минусинской котловины в XVII—XIX вв. и продвигает дальше исследование сложных вопросов межплеменных отношений в этом районе.

Автор убедительно показывает, что хакасская народность образовалась не из родственных племен путем слияния их в единое этническое целое, а из различных по своему происхождению и языку этнических групп (тюркоязычных, кетоязычных и самодийскоязычных). Совместная жизнь в Красноярском и Кузнецком уездах Сибири постепенно породила общность быта, культуры и языка. В книге хорошо раскрыт процесс тюркизации самодийскоязычных и кетоязычных элементов. Формирование хакасской народности происходило в относительно благоприятных условиях. Включение народов Южной Сибири в состав Русского государства устранило ту анархию и грабежи, которые господствовали до XVII и в XVII веке. В XVIII в. уже сложилась устойчивая мирная обстановка, благоприятствовавшая как связям различных этнических групп между собой и консолидации их в единое целое, так и связям их с русским народом. Конечно, не следует идеализически рисовать историю народов Южной Сибири в XVIII—XIX вв. Крепостники-помещики всячески поддерживали произвол царской администрации и эксплуатацию этих народов, чему был положен конец только Великой Октябрьской социалистической революцией.

Отмечая достоинства монографии Л. П. Потапова, касающиеся этногенетических процессов в Южной Сибири в XVII—XIX вв., следует остановиться и на некоторых ее недочетах в этом отношении. Автор стремился в том сложном переплете различных по происхождению и языку этнических групп, который имел место в Минусинской котловине в XVII—XVIII вв., выявить этническую принадлежность каждой из этих групп. В большинстве случаев с аргументацией автора можно согласиться, но есть и недостаточно обоснованные положения. Так, на стр. 120—122 Л. П. Потапов пытается доказать тюркоязычность мадов и тем самым отграничить их от самодийскоязычных маторов, с которыми сближали мадов некоторые исследователи. Приведенный материал, однако, не убеждает читателя в выдвинутой гипотезе, да и сам Л. П. Потапов, видимо, далеко не убежден в ней. Во всяком случае, читая, что «мады, в и д и м о, были тюркоязычными» (стр. 120; разрядка здесь и ниже моя.— Н. С.), что «маторы и маты в XVII в. были различны по своей численности, управлялись различными князьями, жили в различных местах и, в и д и м о, резко отличались по своему этническому составу» (стр. 121), «по языку мады, были, в и д и м о, тюркоязычными, о чем

² См. «Исторические песни» (Серия «Библиотека поэта»), Л., 1951, стр. 101—120; Л. Оксенов, Ермак в былинах русского народа, СПб., 1892.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 139.

говорит их тесное общение с енисейскими киргизами, которым они, как ж е т с я, были родственны. Каж е т с я, мады упоминаются в енисейских рунических надписях, обнаруженных в бассейне р. Уюка» (стр. 122), — мы далеко не уверены в правильности этих «видимо» и «кажется». Для обоснования этих положений у автора нет еще достаточно убедительных данных.

Нельзя согласиться и с характеристикой социальных отношений у некоторых этнических групп. Если положение автора о наличии феодальной верхушки у тюркских язычных народностей подкреплено достаточным материалом, то это же положение применительно к самодийскоязычным и кетоязычным группам повисает в воздухе из-за отсутствия данных. Так, на стр. 81 Л. П. Потапов говорит о наличии у аринов «полуфеодальной, полупатриархальной знати» только на основании того, что в источниках XVII в. сообщается о «князях» и «лутчих людях» у аринов. Однако, такая же терминология («князцы» и «лутчие люди») имеется в источниках XVII в. и в отношении ряда других народов Сибири, в частности народов Севера — тунгусов, юкагиров и др., у которых ни в XVII в., ни позже не было феодальных отношений. Термин «князь» мог обозначать и родового и племенного вождя, а термин «лутчие люди» — родоплеменную верхушку. Так это и было, видимо, в отношении аринов.

На стр. 26 автор пишет о наличии у енисейских киргизов «сословной иерархической и наследственной собственности князей». С такой формулировкой трудно согласиться. У енисейских киргизов, при наличии феодальных отношений, несомненно имела феодальная собственность на землю, однако она не являлась юридически закрепленной («сословной»), так же как у енисейских киргизов не было и юридически оформленных сословий.

На стр. 142—143 Л. П. Потапов высказывает свои соображения о термине «волость» в русских документах XVII в. Он пишет, что в источниках этого времени под волюстью «подразумевалась не территория, а население, состоящее под главенством того или иного князца и нередко называемое по его имени. Вследствие этого территория той или иной волости была не всегда постоянной. Вот почему в документах этого времени можно встретить такие выражения: волость убежала, волость отложилась и изменила и т. д. Правильнее было бы говорить о том, что в источниках XVII в., как и последующего времени, вплоть до XIX в., термин «волость» имеет двойное значение: 1) территориальной единицы (а зачастую и административно-территориальной, как в отношении русского населения) и 2) населения этой территориальной единицы. Второе значение является производным от первого и вместе с тем не отделяемо от первого.

В конце книги даны два приложения — словари «языка койбальского» и «языка моторского», составленные в 1806 г. «членом С. П. Б. Общества любителей наук, словесности и художеств Григорьем Спасским» и хранящиеся ныне в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Публикация этих словарей вполне оправдана, словари — ценный источник для изучения тех этногенетических процессов, которые составляют основное содержание книги. Следует только пожалеть о том, что комментарии к этим словарям слишком кратки (стр. 105). Материал заслуживал большего внимания.

Особо следует остановиться на техническом оформлении книги. К сожалению, следует отметить, что оно не на высоком уровне, и это производит крайне досадное впечатление. Корректорская работа проведена небрежно. Отсюда — полный произвол в строчных и прописных буквах. Уже на первой странице основного текста (стр. 11 книги) мы встречаем такую фразу: «Он назвал при этом киргизского князца Номчи... телеутского князя Обока... Умацкого, точнее же Маццкого князца Чита...». На протяжении всей книги перемежаются: «Русское государство» и «русское государство», «Тюлькина земля» и «тюлькина земля», «Кетский острог» и «кетский острог» и т. д. и т. п.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что опубликованная монография представляет собой интересное, ценное исследование по истории и этнографии народов Южной Сибири XVII—XIX вв. Примыкая к предшествующим исследованиям и публикациям Л. П. Потапова, она вносит много нового в изучение сложных этногенетических процессов, происходивших в Минусинской котловине в XVII—XIX вв.

Н. Н. Степанов